

Министерство образования и науки Российской Федерации  
Федеральное государственное  
бюджетное образовательное учреждение  
высшего профессионального образования  
«Кемеровский государственный университет»

**Г. И. Карпова**

**Мир Православия  
в рассказах И. С. Шмелёва**

Учебное пособие

Кемерово 2012

**УДК 821. 161. 1. 09-97: 82 Шмелёв. 06 (075. 8)**  
**ББК Ш5(2=Рос)6-4(Шмелёв И. С.)4я73**  
**К 26**

*Печатается по решению редакционно-издательского совета  
Кемеровского государственного университета*

**Рецензенты:**

канд. филол. наук, доцент **А. С. Сваровская** (НИТГУ, Томск);  
канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой литературы и  
русского языка КемГУКИ (Кемерово) **М. В. Литовченко**

**Карпова, Г. И.**

**К 26** Мир Православия в рассказах И. С. Шмелёва: учебное  
пособие / Г. И. Карпова; Кемеровский государственный универси-  
тет. – Кемерово, 2012. – 48 с.

**ISBN 978-5-8353-1204-7**

Учебное пособие посвящено рассмотрению рассказов И. С. Шмелёва как произведений духовного реализма. В трёх главах рассмотрены различные аспекты художественного изображения церковно-религиозной жизни в малой прозе православного писателя. Издание предназначено для студентов и аспирантов филологических факультетов, слушателей специализации «Основы православной культуры», преподавателей русской литературы.

**ISBN 978-5-8353-1204-7**

**ББК Ш5(2=Рос)6-4(Шмелёв И.С.)4я73**

© Карпова Г. И., 2012

© Кемеровский государственный университет, 2012

## Введение

Из творческого наследия православного писателя Ивана Сергеевича Шмелева наиболее исследованы прежде всего романы и повести: «Росстани» (1913), «Неупиваемая чаша» (1918), «Солнце мертвых» (1923), «История любовная» (1927), «Богомолье» (1931), «Няня из Москвы» (1932 – 1933), «Лето Господне» (1927 – 1948), «Пути небесные» (1937 – 1947).

Большой вклад в исследование поэтики романов и повестей писателя внесли О. Н. Сорокина, А. П. Черников, М. М. Дунаев, А. М. Любомудров, Е. А. Осьминина, Л. Ю. Суравова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, И. А. Есаулов, С. В. Шешунова, С. А. Мартыянова, Н. М. Солнцева, Е. С. Ефимова, Н. Г. Морозов, Е. Г. Руднева, Т. И. Грико, А. Г. Сергеева и др.

Наименее исследован корпус шмелёвских рассказов. К жанру рассказа И. С. Шмелёв обращался на протяжении всего творческого пути. Первым опубликованным произведением писателя был рассказ «У мельницы» (1895). Последний рассказ «Приятная прогулка» И. С. Шмелёв опубликовал в апреле 1950 года в парижской газете «Русская мысль».

Необходимо признать, что жанровое своеобразие, типология и поэтика шмелевских рассказов на сегодняшний день изучены недостаточно. Практически нет целостного представления о своеобразии художественного воплощения православного мироощущения в рассказах И. С. Шмелёва, прежде всего, эмигрантского периода.

Отдельные ценные замечания об особенностях поэтики жанра рассказа в творчестве И. С. Шмелёва содержатся в монографиях и статьях О. Н. Сорокиной, А. П. Черникова, Е. А. Осьмининой, Н. М. Солнцевой, А. М. Любомудрова, Л. И. Ерёменко и др.

О. Н. Сорокина, отмечая «емкость малых жанров» у Шмелева, пишет, что «трудно подчас провести в его творчестве границу между развернутым, значительным по объему рассказом и небольшой повестью» [8, с. 74].

Важными являются замечания автора первой отечественной монографии А. П. Черникова о наличии в рассказах И. С. Шмелева двухуровневой сюжетной организации: «один внешний, изображающий общий поток жизни, другой глубинный, подтекстовый.

Пружиной действия в этих произведениях является не движение, развитие и смена событий, а нарастание настроения, внутреннего психологического переживания» [9, с. 164].

Общепризнано, что глубокое воссоздание церковно-религиозной жизни русского народа представлено в главных книгах И. С. Шмелёва «Лето Господне» (1927 – 1948) и «Богомолье» (1931). Словесная часть церковной службы (цитаты из богослужебных книг, церковных песнопений, молитв), её обрядовая сторона, описание церковных Таинств органично входят в образную систему шмелёвской прозы и занимают в ней доминирующее положение.

В середине 1920-х годов, как указал А. М. Любомудров, произошёл переход писателя от критического реализма к духовному реализму. Истоком перемен в творческом методе И. С. Шмелёва послужили события в личной жизни писателя. Расстрел единственного сына С. И. Шмелёва в 1921 году, собственная тяжёлая болезнь и чудесное выздоровление в 1934 году, смерть жены О. А. Шмелёвой в 1936 году – всё это послужило толчком к более полной воцерковлённой жизни в 1920 – 1930-е годы. Восприятие И. С. Шмелёвым церковной службы, православных праздников нашло отражение в переписке двух Иванов – Ивана Сергеевича Шмелёва и Ивана Александровича Ильина.

В письмах к И. А. Ильину православный писатель неоднократно восторженно отзывался о глубине, силе воздействия, красоте молитвенного слова. Пятого января 1931 года, закончив книгу «Богомолье», И. С. Шмелёв пишет: «...для меня нет никакого искусства, кроме – Святого. Если бы я мог слагать молитвы» [5, с. 193]. Поздравляя чету Ильиных с днем Святой Пасхи, он делится переживаниями от Всенощной и приходит к выводу: «А Великая Пятница, стихиры у плащаницы! Да никакой Пушкин, Гете, все гении не могли бы дать – и не дали – ничего равного по силе!» [6, с. 380]. В письме от четырнадцатого марта 1937 года восхищают писателя строки из покаянного тропаря, который читают в Неделю о мытаре и фарисее: «Какая высота! Какая выразительность» [6, с. 178].

Современные исследователи творчества И. С. Шмелёва А. П. Черников, М. М. Дунаев, А. М. Любомудров, опираясь на критические работы И. А. Ильина, определяют творческий метод русского православного писателя-классика 1920 – 1940-х годов как метод духовного

реализма.

И. А. Ильин в монографии «О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелёв», подготовленной к печати в 1939 году (опубликована в Мюнхене в 1959 году, в Москве – в 1991 году), точно уловил суть художественного творчества И. С. Шмелёва: «он – певец России, изобразитель русского, исторически сложившегося душевного и духовного уклада...» [3, с. 138]. Значение творчества И. С. Шмелёва выдающийся религиозный философ и критик видит в способности «подслушать национально-духовный акт своего народа» и верно «нарисовать его духовный «портрет» [3, с. 138].

Рассуждая о художественном совершенстве искусства в своей итоговой книге «Путь к очевидности» (1954), И. А. Ильин видит его в миссионерском служении «по духовным звёздам»: «Настоящий художник отправляет духовное служение. <...> Он должен как бы заклинать в самом себе «духа земли». Он должен находить то «пространство», где живут духовные содержания, вступать в него и почерпнуть в нём предметные медитации» [4, с. 334].

Развивая идеи И. А. Ильина о художественном изображении духовной реальности, М. М. Дунаев отметил, что «религиозность литературы проявляется не только в связи с церковной жизнью, и не в исключительном внимании к сюжетам Священного Писания, а в особом способе воззрения на мир. <...> Православная литература учит православному воззрению на человека, устанавливает правильный взгляд на внутренний мир человека, определяет важнейший критерий оценки внутреннего бытия человека: смирение» [2, с. 3]. По мнению автора шеститомной монографии «Православие и русская литература» М. М. Дунаева, миссия русской православной художественной литературы состоит в «возжигании и поддержании духовного огня в сердцах человеческих» [2, с. 3].

Известный исследователь творчества русских православных писателей-эмигрантов А. М. Любомудров своеобразие прозы Б. К. Зайцева и И. С. Шмелёва видит в том, что «впервые в их художественном мире проявилось целостное православное мироотношение» [7, с. 5]. Организатор десяти международных научных конференций «Православие и русская культура» (Институт русской литературы РАН, СПб.) считает, что термин «духовный реализм» применим к

произведениям, в которых представлено «художественное восприятие и отображение реального присутствия Творца в мире» [7, с. 5].

Автор монографии «Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв» связывает «духовный реализм» с «художественным освоением духовной реальности, т. е. реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия человека» [7, с. 38]. Под термином «духовный» А. М. Любомудров понимает «строго христианскую духовность как качество сферы личности, которая устремляет её к Богу, отвечает за её связь с трансцендентным началом» [7, с. 39].

Автор статьи «Истоки русского духовного реализма в русской классической литературе» А. А. Алексеев, заметив, что духовность может быть не только православной (например, «Роза мира» Д. Андреева), вводит в оборот термин «православный реализм» применительно к писателям русского зарубежья: И. С. Шмелёв, Б. К. Зайцев, В. А. Никифоров-Волгин, последние стихотворения А. Герцык. Исследователь отмечает, что русские писатели «духовно-христианского реализма» видели цель творчества «в благовествовании христианской системы ценностей и христианского идеала жизни» [1, с. 224]. Указав, что идеи русского славянофильства стали в XX веке фундаментом духовного реализма, А. А. Алексеев делает вывод: «Духовный реализм шёл к воцерковлению, т.е. не просто к философскому принятию православия в качестве идейного фундамента, а к признанию православной литургии и её вершины – причащения Плоти и Крови Христовых – за критерий жизни и истины» [1, с. 234].

В 1920 – 1940-е годы И. С. Шмелев главное внимание уделяет изображению церковно-религиозной жизни своих современников не только в романах и повестях, но и в рассказах. В центре внимания православного писателя стали вопросы православного воспитания молодого поколения, отстаивание героями православной веры, осознание Промысла Божия и др.

## Литература

1. Алексеев, А. А. Истоки русского духовного реализма в русской классической литературе / А. А. Алексеев // Классическая сло-

весность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики). – Екатеринбург, 2007. – С. 224 – 234.

2. Дунаев, М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII – XX веках / М. М. Дунаев. – М.: Издательский Совет русской Православной Церкви, 2002. – 1056 с.

3. Ильин, И. А. О тьме и просветлении: книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелёв / И. А. Ильин. – М.: Скифы, 1991. – 216 с.

4. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М.: Республика, 1993. – С. 290 – 403.

5. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927 – 1934) / И. А. Ильин, И. С. Шмелёв. – М.: Русская книга, 2000. – 560 с.

6. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935 – 1946) / И. А. Ильин, И. С. Шмелёв. – М.: Русская книга, 2000. – 576 с.

7. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв / А. М. Любомудров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.

8. Сорокина, О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва / О.Н. Сорокина. – М.: Московский рабочий, 2000. – 408 с.

9. Черников, А. П. Проза И. С. Шмелёва: концепция мира и человека / А. П. Черников. – Калуга: Калужский областной институт усовершенствования учителей, 1995. – 344 с.

## **Глава 1. Православное воспитание в рассказах И. С. Шмелева** («Полочка», «У плакучих берёз», «Солдат Кузьма», «Наполеон», «Как я покорил немца»)

Тема детства занимает видное место в творчестве И. С. Шмелева. К ней писатель обращается в произведениях, предназначенных и для взрослого, и для подрастающего читательского поколения. С 1907 по 1912 годы прозаик печатается в журналах «Юная Россия», «Друг детей», «Родник». В 1910 году в издательстве «Юная Россия» выходят две книги детских рассказов И. С. Шмелева: «К светлой цели» и «Они и мы». Публикации были замечены критиками и представителями власти. В 1913 году Министерство народного просвещения будет рекомендовать ряд рассказов Шмелева как желательное чтение для юношества. В этом же году выйдет исследование Н. А. Савина «Наша детская литература. И. С. Шмелев».

В письме к Н. А. Савину от 25.02.1912 года И. С. Шмелев отвечает на вопросы молодого исследователя детской литературы: «Детских рассказов написано с 906 года до 50 листов. Что за лучшее считаю? Затрудняюсь сказать. Люблю «Мэри» (в кн. Они и Мы), «Мой Марс», повесть «На морском берегу», «Рваный барин» (Родник 10 и 11 г.), «Светлая страница», «Гассий и его Джерри», «Полочка». Пожалуй, «Служители правды», но ...теперь бы многое поправил. Вы не осудите – трудно сказать, что лучшим считаю. А писал все с охотой и любовью да иначе и нельзя» [5]. В письме от 3 марта 1912 года детский писатель поясняет Н. А. Савину: «Во всяком случае, думается, зла-то я не несу. А пишешь иной раз в светлом настроении и где-то, в уголке сердца, чуть и поднимется – мягкое что-нибудь, теплое что заронишь, сразишь одну – другую душу» [5].

Среди тех, кому были адресованы детские рассказы, был и десятилетний сын писателя Сергей Шмелев. В. П. Вильчинский в статье «Шмелев в журнале «Родник» приводит письмо писателя от 28 января 1910 года к редактору «Родника» Н. А. Альмединген, в котором Шмелев признается, что ему тяжело бросить работу для любимой им молодой аудитории. Обращаясь с просьбой высылать «Родник», он добавляет: «У меня есть постоянный читатель, мой первый цензор, сын» [1, с. 186]. Впоследствии у Шмелева появится еще



один близкий ему постоянный читатель, его внучатый племянник Ив Жантийом.

Оба сборника детских рассказов будут переизданы в 1923 году в Советской России. В этом же году издательство «Гамаюн» выпустит в Берлине книгу писателя «Как мы летали», куда войдут опубликованные ранее в России «Полочка» (1909) и «Светлая страница» (1910). В 1926 – 1928 гг. в Париже Шмелев участвует в изданиях, предназначенных для молодых читателей: «Русскому мальчику: Изд. в пользу Общежития для русских мальчиков в Шавиле», «Колос: Русские писатели юношеству», «Русская земля: Альманах для юношества», «Молодая Россия: Сборник для детей», в журнале «Перезвоны». Так возникает новая серия рассказов для детей: «Весенний плеск», «Русская песня», «Христова всенощная», «Наполеон», «Как я покорил немца».

Позднее, в 1926 году, в монографии «Основные направления детской литературы» Н. А. Савин высоко оценивает именно детские рассказы, вошедшие в сборники «К светлой цели» и «Они и мы», и приходит к выводу, что они «создали писательскую физиономию Шмелева и определили характер его творчества вместе с воспитательно-образовательным значением его произведений для маленького читателя» [6, с. 47]. Рассмотрев ряд детских рассказов И. С. Шмелева, исследователь отмечает, что писателю удаются характеры детей и стариков.

Высокую оценку детским рассказам И. С. Шмелева дал критик Н. К. Кульман в эмигрантской печати: «...в изображении детской психологии Шмелев обнаружил необыкновенную художественную тонкость: недаром в свое время он обогатил русскую литературу чудеснейшими рассказами для юношества» [4, с. 56].

О. Н. Сорокина выделяет среди детских произведений Шмелева две особые группы. Одна, обозначенная самим писателем «они и мы», посвящена вопросам взаимоотношений животных и человека: «Мэри» (1907), «Последний выстрел» (1908), «Мой Марс» (1910). К другой группе исследователь относит ряд рассказов, которые «основывались на воспоминаниях автора о своем детстве, описывали события и знаменательные встречи с людьми, которые произвели на него впечатление и запомнились» [8, с. 43-44]. Автор монографии называет следующие рассказы: «Полочка» (1909), «Светлая

страница» (1910), «Рваный барин» (1911), «Солдат Кузьма» (1915), «Как мы летали» (1918). Этот список можно продолжить произведениями 1920 – 1930-х годов, среди которых рассказы «Весенний плеск» (1925), «Наполеон» (1928), «Как я покори́л немца» (1934).

Многие из детских рассказов 1910 – 1920-х годов могут составить своеобразный цикл. Сквозным мотивом, их объединяющим, является мотив «заветной встречи». Эта емкая метафора Шмелева, в основе которой лежит архетипический мотив сретения, вбирает в себя множество смыслов. Сюжетную основу рассказов составляет встреча ребенка со взрослым человеком. Она определит личностное становление маленького героя, окажет влияние на формирование жизненной модели поведения, восприятие окружающего мира. В то же время ребенок естественно и почти незаметно для себя прикоснется к сокровенному, глубинному пониманию православной жизни.

«Это миссия наша – пронизать мир Божией Правдой – инстинкт нашего бытия», – так определит И. С. Шмелев в статье «Заветная встреча. (Из речи в столетнюю годовщину смерти Пушкина)» духовную сущность русского человека [11, с. 514]. «Познать свое место в мире» помогают маленьким героям дядя («Полочка»), отец («Светлая страница»), парильщик («Солдат Кузьма»), столяр Михаила («Весенний плеск»), маляр Василь Сергеев («Наполеон»).

В рассказе «Полочка» (1909) подлинным наследником дяди девятилетнего мальчика стал не брат умершего, а ребенок, которому остались не «капиталы», а полочка с книгами христианских писателей. Персонажи рассказа «Полочка» делятся на читателей художественной литературы и не читающих людей. «Книжному дяде» противопоставлен «дядя-наследник», который книгу Н. В. Гоголя «Мёртвые души» использует только в качестве подставки для записей о наследстве. Дворнику Степану, который трижды перечитал «Записки охотника» И. С. Тургенева, противопоставляет кухарку. Она считает, что Степан зря тратит «карасин». Рассказчик вспоминает, как «домашние» отобрали у него «две трёпанных книжечки» и осуждали дядю, называя его «чёрствым» и «книжным».

В круг друзей-ценителей художественного слова входят «дедушка Крылов», Андерсен. Всех их отличает благоговейное отношение к книге, слову, букве. Здесь не имеет значения временная или на-

циональная принадлежность. Для мальчика буквы и книги – живые существа: буквы рекламной надписи «глядели», «тысячи книг смотрели на всё». Сам юный читатель позой напоминает дяде букву: «Каков, однако, ферт!» [12, с. 96].

В рассказе И. С. Шмелева «Полочка» представлены три типа читателей: профессиональный читатель-критик, читатель-ребёнок, читатель-любитель из народной среды. Любовь к чтению объединяет героев рассказа, устраняет возрастные, социально-классовые границы между ними. Завершают рассказ слова Степана о «книжном дяде»: «Такой человек... так это прямо... что-нибудь особенное!» [12, с. 107]. Особенность человека, читающего книги христианских писателей (Андерсен, Гоголь и др.), – развитая эмоционально-чувственная, духовно-религиозная культура.

Важным моментом христианского воспитания ребёнка является хождение ко святым местам. В рассказе «У плакучих берёз» (1915) во время богомолья друзья-гимназисты набирают запас духовной стойкости для дальнейшего жизненного пути. Рассказ «У плакучих берёз» – это плач по «убиенному» на полях сражений Первой мировой войны поколению. Центральным мотивом рассказа «У плакучих берёз» является, как и во многих других произведениях И. С. Шмелева, мотив памяти. Он представлен в самом начале рассказа, в посвящении: «Памяти павшего в бою капитана Е. Е. Пиуновского».

В разработке мотива памяти использован ряд образов: паломники, старый монах с «поминальной книгой», плакучие берёзы, помнящий прошлое повествователь. В рассказе есть отдельные реплики монаха, солдата, старушки, молодых матерей. Сам повествователь и его товарищ детства окружены множеством людей. Всех объединяет дорога к Угоднику Божьему, вера в его молитвенную силу.

С мотивом памяти в рассказе «У плакучих берёз» неразрывно связан мотив дороги. Образ реальной «дальней дороги» к Угоднику постепенно обретает обобщающие черты: «Я живу на той самой большой дороге, по которой, четверть века назад, бежали мы к радостному – вперед» [10, с. 244]. «Большая дорога» становится символическим образом дороги жизни целого поколения, хлебнувшего горя: «...теперь он лежит в неизвестном далеком поле, куда не найти дорог, братски-рядом с тысячами других» [10, с. 246].

В образной системе рассказа значимы образы, связанные с христианской церковной жизнью. В начале жизненного пути герой оказывается в часовне, в которую он возвращается четверть века спустя. Одним из центральных символов рассказа является мотив колокольного звона. Повествователь слышит, как в листьях плакучей березы «позванивает ветром»: «По тебе они уже отзвонили, товарищ детства. Мои же еще позванивают...» [10, с. 244]. Здесь березы выступают как некий синтез двух миров – земного и горнего.

Образ дороги служит символом движения в познании мира, жизни, человека. Повзрослевший герой, пройдя свой нелегкий жизненный путь, возвращается к плакучим берёзам у часовни, которые в детстве воспринимались как часть пейзажа. Теперь берёзы – это мифопоэтический символ памяти. Книга, в которой были записаны имена «милых Тита и Сидора», не сохранилась. Эти имена лишь в памяти героя и берез, которые стоят так же, как много лет назад, и помнят всех тех, кто проходил мимо: «Берёзы видали их: они проходили здесь мальчуганами, матери носили их на руках к Угоднику... Берёзы знают, за что они все легли» [10, с. 246].

Изменения в мире не разрушают вечное, неизменное в национальном бытии. Символом этого неизменного являются: часовня, монастырь, плакучие березы. Герой повествователь мысленно обращается к березе с рассказом о том, что стало с его товарищем. В народно-поэтическом сознании березы – это живые существа, которые «все знают», «помнят», «шепчут», обо всех плачут. В финале рассказа в унисон с березами плачет его душа. Внутренний мир повествователя вбирает в себя христианское понимание вечной жизни души.

В 1915 году опубликован рассказ на военную тему «Солдат Кузьма» (первая публикация в журнале «Юная Россия» с заглавием «Солдат-Козьма: Из детских воспоминаний приятеля»). Главный герой одновременно индивидуализированный и собирательный образ воина, защитника Отечества. Герой имеет фольклорные корни – бывалый солдат из русских сказок. Шмелевский солдат Кузьма – это продолжающий жить и не исчезающий из национального мира солдат-балагур, запечатленный народом в социально-бытовых солдатских сказках: «Простой солдат», «Мудрые ответы», «Про солдата», «Солдатское "Отче наш"» и др. [7].

Из литературных традиций наиболее близким для писателя ока-

зывается опыт автора «Войны и мира». Образ солдата Кузьмы вбирает в себя несколько характеров, обрисованных Л. Н. Толстым в «Рубке леса. Рассказ юнкера» (1855). Это «милый человек», «забавник» – солдат Чикин. Он любит рассказывать «сказки про хитрого солдата и английского милорда». В шмелевском рассказе история с англичанином происходит в реальной «севастопольской кампании». В характере Кузьмы «просвечивают» добрый, «чрезвычайно честный» «хлопотун» Веленчук, не расстающийся с любимой трубкой и никогда не пьющий, «храбрый и исправный» солдат Жданов. Перед нами предстает образ солдата-балагура, который может и историю из военной жизни рассказать, и спеть, и сплясать, при необходимости и честь страны отстоять.

«Заветная встреча» ребенка с необыкновенным на его взгляд человеком – основное сюжетное событие рассказа. Прибаутка парильщика-солдата запомнилась герою-рассказчику на всю жизнь: «Много лет, сударь, здравствовать – не помирать, мылиться-париться, крысы-мышей не бояться, с лёгким паром оставаться!» [12, с. 220]. Ребёнку не нравятся страшилки о «банном хозяине», водяных крысах, которыми пугает его «парень-непоседа». Запомнившаяся прибаутка Солдата, напротив, нравится и оказывается полезной для души. Она учит преодолевать чувство страха, становится для героя-рассказчика необходимой в жизни нравственной опорой.

Общаясь с солдатом, участником двух русско-турецких войн, ребёнок приобретает нравственно-духовный опыт. Усвоены ребёнком позывные сигналы солдатского рожка: сигнал на обед («У тятеньки, у ма-меньки мальчик просит говядинки: дай-дай-дай!»), сигнал на стрельбу («Рассыпья, мо-лодцы! за камни-за-кусты! по два в ряд, не смотри назад, береги заряд!»), сигнал в атаку [12, с. 227]. Солдатский фольклор, впитанный ребёнком, – это запас народной мудрости, силы духа, отваги. Уроки духовной стойкости, умение преодолевать страх, способность отдать жизнь свою за других получает мальчик у защитника Отечества.

Солдатская тема и солдатский фольклор как вставной жанр использован И. С. Шмелёвым в рассказе «Наполеон» (1928). Писатель мастерски выстраивает межтекстовый диалог, включая эпизоды народной драмы в рассказ. В центральную часть рассказа включено несколько запомнившихся ребёнку сцен-эпизодов из балаганного

спектакля о Наполеоне: выходной монолог-самохарактеристика героя-правителя, диалоги-приказы Наполеона маршалам, диалог Наполеона и Смерти.

Балаганным зазывалой, художником-декоратором, режиссёром и исполнителем главной роли Наполеона оказывается один человек, маляр Василь Сергеев. «Русский чудо-человек» И. С. Шмелёва навсегда остался в памяти героя-рассказчика. Он дал ему важные нравственные уроки: душевной щедрости, заботы о друге («Идти – так уж всем-с!»), преодоления уныния.

Мир искусства и жизнь предлагают ребёнку варианты жизненного поведения, различные модели отношения с миром. Приказчик, во время спектакля непрерывно щёлкающий орешки, предлагает грубо-приземлённое, лишённое духовного содержания существование. Василь Сергеев – путь самопожертвования. Третий тип жизненного пути дан в образе Наполеона из народной драмы.

В диалоге с маршалами Наполеон горделиво утверждает: «Я победил все народы!». В диалоге со Смертью он продолжает характеризовать себя как «властителя мира и народов». Наполеон повторяет слова сатаны. Искушая в пустыне Иисуса Христа, сатана «показывает Ему все царства мира и славу их», предлагая дать, «если, пав, поклонись мне» (Мф. 4, 8-9). В Евангелии от Марка диавол показывает «все царства вселенной во мгновения времени» и обещает дать «власть над всеми сими царствами и славу их» (Мк. 4, 5-6). В сознании зрителей балаганного спектакля Наполеон предстаёт как уже искушённый дьяволом и, соответственно, приблизившийся к духовной смерти.

Примечательно, что русских воинов на сцене нет. Зрители, большей частью солдаты, становятся участниками народной драмы и активно вступают в диалог с тщеславным Наполеоном, который воспринимается ими как нехристь и поделом наказан за «гордый ндрав». Борьба с Наполеоном в балаганном спектакле изображена как битва духовная.

В рассказе дядин приказчик пять раз называет Наполеона «Анаполеоном». Такое обыгрывание имени позволяет увидеть в нём губителя, о котором в 11 стихе 9 главы Апокалипсиса говорится: «Царём над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Абаддон, а по-гречески Аполлион». Упорство Наполеона в спек-

такле свидетельствует о том, что зло в той или иной форме существует в мире. Борьба со злом приобретает вечный характер. Зрители спектакля объединяются в эмоциональном противостоянии гордому Наполеону: «Ударили лихо трубы – "Ах вы, сени, мои сени", и весь балаган загремел ногами и заорал "браво!"» [12, с. 214].

Сюжет русской народной песни «Ах вы, сени, мои сени» связан с послушанием дочери «грозного батюшки», нарушением родительских запретов, уход из родного дома и увлечение соблазнами («зелено вино», «пиво пьяно»). Включение в спектакль песенной вариации вечного сюжета о блудном сыне, вероятно, могло служить напоминанием о гибельности пути удаления грешника от Бога.

Походная солдатская песня (вставной жанр в народной драме) в рассказе И. С. Шмелева «Наполеон», как и в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», отражает дух национального единения, с помощью которого только и можно одержать победу над врагом. Наполеон в спектакле и Василь Сергеев в рассказе – две противостоящие друг другу фигуры. Дерзости и наглости французского завоевателя, покоровшего четырнадцать государств, противопоставлена сила духа русского человека.

В рассказе «Наполеон» «заветная встреча» происходит в праздничный день – на Святках. Сюжетную основу рассказа составляют воспоминания об одном дне из давних детских лет. Если в начале повествования ребенок воспринимает Василь Сергеева как «серенького человека», то в финале не без его помощи еще не вполне осознанно фиксирует следы войны и цену победы над врагом («пустой рукав» актера и оставшиеся ему на попечение «братнины сироты»).

Чудо пробуждения души, сопереживание прошлому и настоящему, связь времен, восстанавливаемая условным театральным зрелищем – вот главные темы рассказа. Главным событием оказывается не спектакль, а встреча с человеком большой духовной мощи, многогранной человеческой личностью.

Умело и многообразно использует И. С. Шмелёв в качестве вставных жанров тексты художественной литературы. Одним из ярких примеров является рассказ-воспоминание о гимназических годах «Как я покорила немца» (1934). В рассказе присутствует диалог основного и вставного текста, который переводит в стихах герой-рассказчик. В письме к И. А. Ильину писатель вставной текст

называет поэмой: «там целая поэма в стихах (!) ввалена» [2, с. 488]. Сюжетная ситуация основного текста (история взаимоотношений гимназиста и учителя немецкого языка) дублируется, зеркально отражается в сюжете стихотворного перевода «Мщения честного человека» (взаимоотношения лесника и старца).

Мотив преодоления ложного мнения о человеке, прозрение и осознание неправоты собственных суждений сближает героя художественного текста – лесника и героя-рассказчика. Первоначально для лесника старик – «пустой бездельник», «обманщик», «лжец». Гимназист оценивает учителя немецкого языка как фальшивого, бездушного человека, который не испытывает подлинных человеческих чувств и лишь притворяется добрым. Мотив самоотверженности и бескорыстия материализуется в поступке старца, спасшего сына лесника. Это обстоятельство побуждает лесника кардинально изменить первоначальное мнение о незнакомце и молить о прощении «святого», «честного старца».

Перевод поучительной истории меняет самоощущение гимназиста и отношение к нему окружающих, в частности его недоброжелателя-учителя. Внутреннее горение гимназиста («горел до зари», работая над переводом и соперничая героям) позволяет ему и самому прозреть, вырасти духовно и увидеть, что осуждал он учителя напрасно. Способность героя-рассказчика понять и принять чужой мир и чужую культуру – вот что в итоге «покоряет» учителя-немца и заставляет бывших противников ощутить «родство душ». Преодолев чувство обиды, герой меняется нравственно, обретает бесценный духовно-эстетический опыт.

Сближению двух текстов способствует переключка образных рядов в межтекстовом диалоге: лед, вода, огонь, глаза, слезы. Река в поэме представляет собой внешнюю границу, разделяющую двух героев – лесника и старца-монаха. Взломанный весной на реке лед предваряет ситуацию разрушения «ледяных» отношений между героями. Покаяние лесника сопровождается «рыданием»: слезы, проливаемые им, становятся очистительной водой. В сюжетной ситуации «ледяных» отношений ученика и учителя глаза «фальшивого немца» видятся «стеклянными». Позднее стекло льда сменяет влага. В рассказе метафорически переосмыслен образ льда как «внутреннего холода». Ломка льда – разрушение границ, устранение не-



допонимания между людьми.

На открытие героем нового, диалектически-многомерного восприятия людей и мира работают отдельные образы рассказа. Гениальный репетитор Евтюхов, на «необъятном лбу» которого «дышала жила в виде алгебраического знака - радикала», похож на Сократа [9, с. 331]. Он, окончивший Межевой институт с золотой медалью, обещает ученику, что через месяц занятий тот станет Архимедом, через полгода поднимется до уровня Лобачевского. Сократ, родоначальник диалектики, Н. И. Лобачевский, создатель неевклидовой геометрии, совершивший переворот в представлении о природе пространства, – все они показывают путь ухода от одномерной оценки явлений, людей. Алгебраический знак радикал – указание на умение извлекать корень и в людях, то есть видеть подлинную сущность человека. Упоминание Межевого института, который окончил муж сестры гимназиста, отсылает читателя к родственному слову «межа» и вводит в рассказ тему, разделительных границ, существующих между людьми. Налажены отношения между учителем и учеником, но остаётся межа («холод») между братом и сестрой, которая не ценит его творчество.

Среди вставных текстов в рассказе нужно назвать цитату из незаконченного гимназистом исторического романа о «ледяной» эпохе опричнины времен Ивана Грозного, упоминание заглавий и сюжетов нескольких немецких баллад Ф. Шиллера и Л. Уланда. В письме к И. А. Ильину от 29 марта 1947 года И. С. Шмелёв отметил свою любовь к творчеству Ф. Шиллера [3, с. 110]. В рассказе упомянута знаменитая «Песнь о Колоколе» (1799), которую создатель теории «эстетического воспитания» писал десять лет. Описание процесса отливки колокола в произведении Ф. Шиллера сопровождают философские размышления о счастье человека и общества, ладе и разладе, периодах тишины и буйства, любви и ненависти.

Основные темы вставного текста подключаются к разрешению ключевой проблематики основного текста. Роль фоновых текстов усложняет смысловую структуру рассказа, позволяет И. С. Шмелёву бытовую историю осмыслить философски. Различные вставные жанры: фольклорные, литературные, духовно-религиозные – всегда работают на обобщение, служат оформлению авторской точки зрения, православной аксиологии в рассказах И. С. Шмелёва.

Детские рассказы И. С. Шмелева проникнуты «стремлением к истинному и доброму». В речи «К родной молодёжи» писатель призывал «живую человеческую душу в себе хранить» [11, с. 409, 411]. Воспитанию молодёжи в православной системе координат служит христианская книга, православные подвижники, православный народ.

## Литература

1. Вильчинский, В. П. Шмелев в журнале «Родник» / В. П. Вильчинский // Русская литература. – 1966. – № 3.
2. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935 – 1946) / И. А. Ильин, И. С. Шмелёв. – М.: Русская книга, 2000. – 576 с.
3. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1946 – 1950) / И. А. Ильин, И. С. Шмелёв. – М.: Русская книга, 2000. – 528 с.
4. Кутырина, Ю. А. Иван Сергеевич Шмелёв / Ю. А. Кутырина. – Париж: Издание Русского научного института при Русской Академической группе в Париже, 1960.
5. РГАЛИ, ф. 1198, оп. 1, ед. хр. 6.
6. Савин, Н. А. Основные направления детской литературы / Н. А. Савин. – Л.: Издательство Брокгауз-Эфрон, 1926.
7. Сказки: книга 3 / сост., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова / Б-ка русского фольклора. – М.: Сов. Россия, 1989. – Т. 2.
8. Сорокина, О. Н. Московянина: жизнь и творчество Ивана Шмелева / О. Н. Сорокина. – М.: Московский рабочий, 2000.
9. Шмелёв, И. С. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 2: Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика / И. С. Шмелёв. – М.: Русская книга, 2001. – 512 с.
10. Шмелёв, И. С. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 6 (доп.): История любовная: Романы. Рассказы / И. С. Шмелёв. – М.: Русская книга, 1999. – 512 с.
11. Шмелёв, И. С. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 7 (доп.): Это было: Рассказы. Публицистика / И. С. Шмелёв. – М.: Русская книга, 1999. – 592 с.
12. Шмелёв, И. С. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 8 (доп.): Рваный барин: Рассказы. Очерки. Сказки / И. С. Шмелёв. – М.: Русская книга, 2000. – 608 с.

## **Глава 2. Мотив Промысла Божия в рассказах И. С. Шмелева** («Блаженные», «Христова всенощная», «Родное», «Глас в ночи», «Свет»)

В рассказах И. С. Шмелёва 1925 – 1940-х годов значим литургический контекст. Духовно-религиозные жанры И. С. Шмелёв активно использует в рассказах «Блаженные» (1926), «Свет разума» (1926), «Христова всенощная» (1927), «Глас в ночи» (1937) и др. В качестве вставных жанров писатель вводит цитаты из Евангелия, молитв, псалмов. Среди духовно-религиозных жанров в прозе И. С. Шмелёва встречаются тропарь, кондак, полиелей и др. Цитаты из Священного писания и богослужебных книг органично входят в образную систему рассказов, помогают обозначить ключевые темы и мотивы произведений. А. М. Любомудров верно отметил значительный вклад И. С. Шмелёва-художника в разработку темы обретения веры [4, с. 275].

В рассказе «Христова всенощная» (1927) запечатлён один из эпизодов жизни русских беженцев во Франции – посещение православного богослужения с участием знаменитого квартета Н. Н. Кедрова. Предметом художественного изображения становится переживание церковной службы. А. М. Любомудров выделил три уровня восприятия всенощной службы героем рассказа: душевный («Я люблю всенощную... тихие песнопения, в которых и грусть, и примирение, и усталость от дня сего, начинают баюкать душу»), национально-ностальгический («Идёт всенощная. Россия, в Москве, в соборе... В Новгороде... Киев... Владимир... Суздаль... Далёкая Москва»), мистически-духовный («Было чудо, ибо коснулся души Господь») [4, с. 257]. Духовное восприятие службы происходит во время чтения Евангелия и церковных песнопений, когда возникает чувство присутствия Божия.

Рассказ о поездке из Севра в Шавиль и затруднениях при поиске общежития русских мальчиков-эмигрантов осложняется раздумьями героя. Размышляя о сломанных жизненных судьбах многих изгнанников из России, герой-рассказчик пытается найти ответ на вопрос, есть ли выход из драматической ситуации бездомья и бездорожья.

Образ дороги в рассказе «Христова всенощная» многозначен:

конкретная дорога, исторический путь России, жизненные дороги беженцев из России, духовный путь каждого к Богу. Описание всенощного богослужения вводит в художественный мир рассказа важный семантический слой мотива дороги – мотив спасения, духовного пути, обретения дороги ко Господу.

Проникновенное исполнение «чудесных молитв прошлого» квартетом Н. Н. Кедрова создаёт ощущение явления Христа русским беженцам: «Он – здесь, в этой комнате при дороге, – Храме: песнопение превратилось в Слово, в Бога Слово» [13, с. 244]. Глубокое переживание рассказчиком всенощной службы позволяет ему понять, что Слова Христа, сказанные «иным детям при море Тивериадском» и сохранённые в 21 главе Евангелия от Иоанна, оказались необходимы «на новый день», «на сей день» обездоленным русским детям.

Писателю удалось запечатлеть сложное время христианского богослужения, когда события прошлого переживаются всеми участниками вновь и становятся «вечным» настоящим [2, с. 565]. Единственный «живой» огонёк лампы перед старинной иконой Николая Чудотворца в начале всенощной к концу сменяется духовным горением многих сердец. Участники православного богослужения осознают повторяемость священных событий в данном историческом времени.

Вся художественная ткань шмелёвского рассказа пронизана цитатами из духовных песнопений. Описание иконы Николая Чудотворца сопровождают строки из тропаря святителю: «Стяжал еси смирением высокая, Нищетою – богатая!».

В рассказе можно выделить три части всенощного бдения: Вечерня, Утреня, 1-й час. Великая Вечерня обозначена цитатой из 103-его предначинательного псалма: «Бла-го-сло-ви ду-ше моя, Го-о-о-о...спо-ди...», и далее цитатой из песнопений: «Свете тихий Святыя Сла-а-а-вы, Бессме-ртного...» во время входа с кадилом. Вечерня, на которой вспоминается сотворение мира, грехопадение человека, завершается гимном Спасителю, который именуется тихим светом от Отца Небесного.

Мотив обретения света усилен в описании второй части службы. Из Шестопсалмия (псалмы 3, 37, 62, 87, 102, 142), с чтения которого начинается Утреня, в рассказе приведена цитата из 102-го псал-

ма: «Обновится, яко орля, Юность твоя...». Это псалом о Промысле Божиим в мире духовно-нравственном.

Протоиерей К. Т. Никольский поясняет: «Шестопсалмие есть как бы размышление человека с самим собою, услышавшего о рождении Спасителя. В псалмах выражается сознание своего греховного состояния, изображается множество врагов, ищущих погубить душу и тело, и надежды на милосердие Господа Бога, на Его избавление» [5, с. 268-269].

После строк Шестопсалмия в рассказе приведены две цитаты из хвалебных песен Господу (полиелей). Затем следует цитата из Евангелия от Иоанна. Выбор именно этого Евангелия не случаен. В нём содержатся слова Христа: «Я свет миру» (Ин. 9, 4), «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). В Первом соборном послании святого Апостола Иоанна Богослова подчёркнута светоносная природа Бога: «Бог есть свет, и нет в Нём никакой тьмы» (1 Ин. 1, 5).

Светом в Священном Писании иносказательно называется Господь Иисус Христос. Возглас священника «Слава Тебе, показавшему нам Свет!» (в это время открываются Царские врата) высвечивает ключевую тему рассказа – явление Христа людям, нуждающимся в Свете духовном. Окончание службы обозначено цитатой из кондака Богородице, который поётся после 1-го часа: «Взбранной Воеводе Победительная!..». Вставные жанры из Священного Писания и богослужебных книг формируют главные темы рассказа: путь из тьмы к Свету, от «я» к соборному «мы».

В рассказе «Христова всенощная» все персонажи связаны с образом дороги. Проводником по духовной лестнице выступает Николай Чудотворец: «И Николка – с нами. В дороге, всегда в дороге. Ведёт. И – доведёт» [9, с. 243]. Чудесными помощниками, показавшими Свет Христова Слова, являются, наряду с любимым учеником Спасителя, его новые ученики – Н. Н. Кедров, Н. К. Кедров, И. К. Денисов, Т. Ф. Казаков.

Реальные блуждания во тьме героя-рассказчика завершаются обретением им и другими участниками всенощной службы духовного Света-Правды. Чтение Евангелия, пение псалмов, молитв помогают участникам всенощной службы духовно перейти из календарно-исторического времени в литургическое время.

Ключевой сюжет многих рассказов И. С. Шмелёва 1925 – 1940-х

годов – обретение православной веры, укрепление героев в вере – связан с понятием Божьего Промысла. На это обратил внимание А. М. Любомудров, размышляя о сходстве и различии идейно-эстетического мира Ф. М. Достоевского и И. С. Шмелёва: «В творчестве Шмелёва роль такого онтологического центра выполняет Промысел, надмирная высшая сила, хранящая мир и незримо присутствующая в его судьбах, руководящая им. В отличие от человека Достоевского, поставленного перед лицом Христа как бы помимо церковных таинств, человек Шмелёва глубоко воцерковлён, отчётливо ощущает себя членом единого церковного Богочеловеческого Тела, через него приобщается к Источнику жизни» [3, с. 222-223].

Постижение героями Промысла Божия стало темой многих рассказов И. С. Шмелёва: «Блаженные» (1926), «Родное» (1930), «Глас в ночи» (1937), «Свет» (1943), «Куликово поле» (1939-1947) и др. В рассказе И. С. Шмелёва «Блаженные» (1926) мотив промыслительного пути является центральным. Внук царского генерала, бывший кадет Миша в послереволюционной России проходит «Силоамскую купель» и неожиданно вместо смерти получает выздоровление, чтобы нести заблудшим людям, потерявшим дорогу ко Господу, Бога Слово. «Блаженный» Миша произносит моление Христа: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят», которое воспринимается как слова, сказанные «на сей день» [7, с. 105].

В рассказе «Глас в ночи» (1937) герой-«невер», человек с естественнонаучным мировоззрением, в пороговой ситуации (заблудились в буране) вспомнил до половины две молитвы – «Богородице...» и «Отче наш». Ему даровано чудесное спасение, так как он открыл разум и сердце милосердию: забыл сословную разницу, искренне жалеет 12-летнего кучера Власку. Душа героя, вставшая на молитвенный путь, открывает душу для Господа.

Восхождение человека по духовной лестнице и созидание внутреннего человека в христианском сознании связано с молитвословием. Святой апостол Павел в Первом послании к Фессалониийцам пишет: «Непрестанно молитесь. ... Духа не угашайте». Размышления об особой роли молитвы, как хлеба духовного, занимают значительное место в трудах Святых отцов церкви Христовой.

Промыслительную миссию в рассказе И. С. Шмелёва «Свет» (1943) выполняют молитва и икона. Духовный смысл чудесного

спасения преуспевающего коммерсанта Антонова во время бомбёжки в финале рассказа осмыслено как прозрение героя, увидевшего в прежней благополучной жизни тьму кромешную. Как верно отметила Н. М. Солнцева, «Шмелёв, по сути, написал рассказ о спасении для покаяния. Его герою во тьме кромешной открылся свет – Божий промысел» [6, с. 397].

Одним из важных промыслительных образов в ряде рассказов И. С. Шмелёва становится звучание церковного колокола. В рассказе «Родное» (1930) окончательное укрепление в «родном», в православной вере, происходит под зов «постного колокола к заутрене». По зову колокола герои рассказа «Глас в ночи» не просто находят дорогу к дому, а укрепляются в православной вере и постигают Божий Промысел: «И почему к нам такое благоволение проявилось? Может быть, ради Власки, а может быть, ради простецкой веры нашего попа Семёна. А может быть, для того, чтобы я рассказал вам здесь, для укрепления? Все усчитано там, прошлое не проходит там, времени нет там... всё в одном миге там... всё живёт и есть, и нынешнее наше там уже и тогда было, и учтено, и вот указано было, чтобы я сам познал и рассказал вам в трудные наши дни, для укрепления. И – для нынешней моей веры, в отпущение» [8, с. 213-214]. «Времени нет там» – неточная цитата из десятой главы Апокалипсиса: «времени уже не будет».

Личная и соборная молитва становится главным делом воцерковлённых героев многих произведений И. С. Шмелева 1925 – 1940-х годов. Вставные жанры из церковно-религиозной литературы служат для изображения духовной жизни героев, которые ощущают реальное присутствие Творца в мире и его Промыслительную силу.

Герои шмелёвских рассказов открывают для себя духовную реальность, обнаруживают новый мир, по словам И. А. Ильина, «мир, насыщенный Божественной значительностью, священностью, святостью» [1, с. 45]. Литургический контекст не просто усложняет смысловую структуру рассказов, а позволяет И. С. Шмелёву бытовую историю осмыслить в Божьем ключе. Церковно-религиозные вставные жанры и образы служат оформлению авторской точки зрения, православной аксиологии в прозе И. С. Шмелёва.

## Литература

1. Ильин, И. А. Православная Русь. «Лето Господне. Праздники» И. С. Шмелёва / И. А. Ильин // Духовный путь Ивана Шмелёва: Статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2007. – С. 40–48.
2. Лихачёв, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв // Лихачёв Д. С. Избранные работы: в 3 т. – Т. 1. – Л.: Художественная литература. – С. 261–654.
3. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв / А. М. Любомудров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.
4. Любомудров, А. М. Богоищущая душа. Духовное и мирское в творческой судьбе И. С. Шмелёва / А. М. Любомудров // Духовный путь Ивана Шмелёва: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 227–282.
5. Никольский, К. Т., прот. Пособие к изучению Устава Богослужения Православной Церкви / К. Т. Никольский. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007. – 902 с.
6. Солнцева, Н. М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество. Жизнеописание / Н. М. Солнцева. – М.: Эллис Лак, 2007. – 512 с.
7. Шмелёв, И. С. Блаженные / И. С. Шмелёв // Шмелёв И. С. Собрание сочинений: в 5 т. – Т. 2: Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. – М.: Русская книга, 2001. С. 99–106.
8. Шмелёв, И. С. Глас в ночи / И. С. Шмелёв // Шмелёв И. С. Собрание сочинений: в 5 т. – Т. 3: Рождество в Москве: Роман. Рассказы. – М.: Русская книга, 2001. – С. 209–215.
9. Шмелёв, И. С. Христова всенощная / И. С. Шмелёв // Шмелёв И. С. Собрание сочинений: в 5 т. – Т. 7 (доп.): Это было: Рассказы. Публицистика. – М.: Русская книга, 1999. – С. 240–245.



### Глава 3. Отстаивание православной веры в рассказах И. С. Шмелева

(«Свет разума», «Смешное дело», «Трапезондский коньяк»)

21 апреля 1932 года И. С. Шмелёв сообщает И. А. Ильину, что им написан рассказ «Смешное дело», который писатель отдал в газету «Россия и славянство» (издавалась в Париже в 1928 – 1934 годах) [4, с. 269]. Рассказ был опубликован 30 апреля 1932 года. О. Н. Сорокина сообщает, что в публикации 1941 года заглавие изменено: «От обезьяны» [12, с. 373]. В письме от 12 июня 1948 года И. С. Шмелёв сообщает своему другу, православному философу, о программе благотворительного чтения в помощь детям, которым «грозит туберкулёз». Как один из возможных вариантов для «сеанса» чтения назван рассказ «Смешное дело». «Программу выбрал «нескучную»: 1) из «Богомолья» («На святой дороге») – вразумляющее купанье «грешников»; 2) «Лета Господня» – «Крещение», – «соревнование православных с «хитрым немцем»; и 3 – из «Няни», два места, а, может быть, и «Смешное дело», про обезьянку (тут будет трудно читать, от хохоту) – знаю» [6, с. 338-339].

Выбранные писателем эпизоды из автобиографической дилогии связаны с рассказом «Смешное дело» сюжетной ситуацией отстаивания героями православной веры перед богохульниками-слесарями («Богомолье»), перед инаковерующим Ледовиком Карлычем («Лето Господне»), перед неверами, учителем Панфилкой и кощунствующим над верой господином Бабарыкиным («Смешное дело»).

Центральным в рассказе «Смешное дело» (1932) является спор о происхождении человека. Ранее споры о превосходстве веры или науки вели «отцы» и «дети» в знаменитой повести И. С. Шмелёва «Человек из ресторана» (1911). Продолжение размышлений писателя о вере и науке заметно в творчестве 1930-х годов.

Религиозное понимание происхождения человека изложено в библейской истории Творения. Естественнонаучный взгляд на происхождение человека в массовом сознании связан с эволюционной теорией Ч. Дарвина, автора популярных книг «Происхождение видов путём естественного отбора» (1859) и «Происхождение человека и половой отбор» (1871). Дарвиным была выдвинута гипотеза происхождения человека от обезьяноподобного предка. Святитель

Лука (Войно-Ясенецкий) в книге «Наука и религия» сообщает, что в конце жизни Ч. Дарвин смиренно покаялся перед Богом в этом своём заблуждении [11, с. 42]. Известны слова создателя теории эволюции: «Я никогда не был атеистом в смысле отрицания Творца» и «В первую клетку жизнь должна была быть вдохнута Творцом» [11, с. 70].

Псаломщик и батюшка в рассказе «Смешное дело» преподают ребятам Закон Божий и излагают теорию Божественного происхождения человека, созданного по Образу и подобию Божию в шестой день творения мира после создания четвероногих животных. «Образ Божий, – поясняет иерей Олег Давыденков, – есть дар Божий каждому человеку, который выражается в способности быть причастником Божественной жизни, участвовать в Божественных совершенствах, а подобие – проявление этого дара в жизни человека и та мера, в какой эта способность реализуется. Можно сказать, что образ и подобие – два аспекта двуединого понятия. Образ Божий есть то, что человеку изначально дано, подобие же есть некоторая заданность, задача, которую человек должен решать в течение всей своей жизни» [2, с. 106].

Однако человек, наделённый свободой воли, может и не желать быть подобием Божиим, тогда он делается похожим в своей жизни на животных, превращается в зверя-человека. Известный хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий (Святитель Лука) отмечает: «Так называемый дарвинизм, признающий, что человек посредством эволюции развился из низшего вида животных, а не является продуктом творческого акта Божества, оказался только предположением, гипотезой, уже устарелой и для науки. Эта гипотеза признана противоречащей не только Библии, но и самой природе, которая ревниво стремится сохранить чистоту каждого вида и не знает перехода даже от воробья к ласточке. Неизвестны факты перехода обезьяны в человека. Бывает скорее обратное в порядке вырождения. Приведём любопытную мысль, высказанную Магометом в Коране: «Некоторых людей за их грехи бог превратил в обезьян». Особенно характерно в наше время моральное превращение человека в обезьяну» [11, с. 41-42]. М. А. Булгаков в повести «Собачье сердце» (1926) описал фантастическую операцию превращения собаки в человека. Полученный результат заставил профессора Преображен-

ского признать, что «наука ещё не знает способов обращать зверей в людей».

Как отметил иеромонах Серафим Роуз в книге «Православный взгляд на эволюцию», «идея эволюции совершенно отсутствует в Книге Бытия, согласно которой каждая тварь создана «по роду своему», и не «изменена в другую» [7, с. 15]. При этом Библия не отрицает развития в пределах вида. Широкое распространение в XX веке эволюционистской философии («ложной философии» и «идеологии», по словам иеромонаха Серафима) свидетельствует о повсеместном распространении безбожия. Эволюционизм имеет антихристианский и богоборческий характер [13].

Распространителями эволюционистской философии в рассказе И. С. Шмелёва «Смешное дело» выступают образованный, «из древнего рода», барин Бабарыкин и сын тюремного надзирателя, принятый Бабарыкиным на должность учителя по просьбе «единомысленного приятеля». Господин Бабарыкин пытается на практике подтвердить теорию происхождения человека от обезьяны. Привезённой из Африки обезьянке дают имя «Марточка», одевают и обувают, обучают сморкаться в платочек, угощают с тарелок, водят на прогулки. У Марточки есть своя комната, свой доктор, своя служанка. Убеждённый республиканец и толстовец Павел Сергеевич Бабарыкин, кощунствуя над верой, научил обезьянку креститься «с гримасничаньем». Оскорблённый батюшка, называет барина двуногим скотом, с которого «взыщется строго за кощунство» [14, с. 195]. Так начинает звучать в рассказе тема превращения человека, получившего право стать Богом, в зверя-человека.

«Двуногим скотом» оказывается учитель Панфилка, пытающийся доказать, что обезьяна не четвероногий скот, а «четверорукое живое существо», причисленное «наукой» к человекообразным существам. Превращение влюбленного учителя в «Марточкиного жениха» ещё больше озлобляет и ожесточает революционер-материалиста. Панфил считает себя тотально обиженным: обижен на имя, низкое происхождение, насмешливое к нему отношение народа и господ.

Имя Памфил с греческого означает «всеми любимый, друг всех». Герой-материалист явно не оправдывает имени своего святого. Высокородный и образованный пресвитер Памфил, занимавшийся ис-

правлением текста Священного Писания, в палестинской Кесари обратил ко Христу многих язычников. Шмелёвский Панфил, распространяя вместе с политическими идеями гипотезу Дарвина о происхождении человека от обезьяны, делает из мужиков «скотов», для которых «закон не писан».

Под маской мести «за обиженных трудящихся людей» Панфил, получивший власть после революции 1917 года, думает решить личную проблему: жениться на красавице Елене Павловне, дочери господина Бабарыкина. Пытаясь силой принудить Елену к сожительству, герой получает решительный отказ: «Вон отсюда, пьяная образина!».

Проходя путь от потенциально заложенного в каждом человеке Образа Божия к «образине», Панфил подтверждает распространяемую им теорию трансформизма Ч. Дарвина. В то же самое время обезьянка Марточка проходит процесс «очеловечивания». После революции она переживает поистине человеческие страдания: горюет, стонет, плачет. Панфил же всё более превращается из человека в зверя. В описании героя преобладают животные черты: «лицо – мордой, косолапый». На образ зверя-человека работают сравнения: «как хорь», «как гусь», «как пёс на падаль».

В рассказе спор о происхождении человека завершается утверждением религиозной точки зрения. Народ на «научной беседе» поддерживает псаломщика Степаныча: «А мы пока православные!».

Как и Панфил, Павел Сергеевич Бабарыкин не оправдывает своё имя. Первоверховный апостол Павел, бывший гонитель христиан Савл, был крещён в 37 году по Р. Хр. и стал самоотверженным проповедником веры Христовой. Павел Сергеевич отходит от веры: к лицам духовного звания относится «с подковыркой», «никогда ко кресту не выйдут». Демонстрация главного кощунства (научил обезьянку креститься) происходит во время пения кондака «Дево днесь», который исполняется во время празднования Покрова Пресвятой Богородицы и во время празднования иконы Божией Матери Боголюбской. Кощунствование во время пения над тем, как «Дево днесь предстоит в церкви, и с лики святых невидимо за ны молится Богу», – попытка разорвать Богородицын покров над российской страной. Открыто кощунствуя над верой, Бабарыкин распаляет богоборческий дух и в учителе Панфилке.

И. С. Шмелёв фиксирует в рассказе «Смешное дело» отход от религиозного взгляда на мир, прежде всего, образованных людей. Веры в божественное сотворение человека нет и у «мамаши» Павла Сергеевича. Барыня соблюдает благочестие лишь наружно: по обычаю приглашает батюшку в дом на праздники. Рассказчик замечает, что она «очень боялась смерти» и велела после пребывания священнослужителей брызгать «лесной водой», чтобы убрать «замогильный дух». Такое отношение к смерти противоречит православному пониманию смерти как отходу души ко Господу.

Дочери Бабарыкин позволяет учиться на актрису, зовет её не именем святой равноапостольной царицы Елены, а романтическим именем нимфы Лорелеи (как поясняет рассказчик, «языческой богини»). И для дочери-насмешницы, и для шутника Бабарыкина революция оказалась делом не шуточным. Смешная история о попытках превращения обезьянки в человека завершается размышлениями героя-рассказчика о трагических судьбах многих людей, в том числе и самих распространителей эволюционной гипотезы Дарвина.

Высокий социальный статус, образование не определяют уровень нравственности героев. Красавица Елена Павловна бросила своё «дитя», мартышку Марточку, на произвол судьбы. Спасая свою жизнь, Павел Сергеевич бросил родную мать. Православная вера помогла герою-рассказчику в революционных испытаниях остаться человеком, сострадать животным, быть милосердным к людям.

Эволюционная теория была неоднократно использована в XX веке для осуществления ложных и низменных целей. Как показал И. С. Шмелёв в рассказе «Смешное дело», этого не произошло бы, не будь в образованной части русского народа нравственной потерянности, отступления от Бога.

Героями ряда рассказов эмигрантского периода являются люди, совершающие церковную службу. Например, дьякон, иеромонах в рассказе «Свет разума» (1926), священники в рассказах «Христова всенощная» (1927), «Смешное дело» (1932), «Глас в ночи» (1937) и др. Как и в книгах «Богомолье», «Лето Господне», И. С. Шмелёв в рассказах 1925 – 1930-х годов обращается к сюжетам отстаивания героями православной веры. В рассказе «Свет разума» дьякон и православный народ побеждают в праздник Крещения Господня протестантского миссионера Воронова и помогают учителю вернуться к

православной вере. В рассказе «Смешное дело» псаломщик одерживает победу в споре о происхождении человека с представителем революционной власти и укрепляет в вере православный народ.

В рассказе «Врёшь, есть Бог...» (1947), открывающем цикл «Заметы...», в споре о вере участвуют дети. Новый иконоборец, 12-летний сын Л. Троцкого, пытается доказать крестьянским детям, что Бога нет. Эксперимент с потоплением иконы Богородицы завершился Божественным чудом: «Икона вы-плыла». Нашёлся «бойкий» мальчишка, который не побоялся сказать: «Есть Бог!..». Нашёлся и гребец, который не выполнил приказания молодого богоборца. Как и в рассказах «Свет разума», «Смешное дело», в рассказе «Врёшь, есть Бог...» взрослое и молодое поколение в 1920-е годы хранит веру православную, которая является главной опорой в смутное время. Несколько иной ракурс сюжета отстаивания православной веры представлен в рассказе «Трапезондский коньяк. Рассказ офицера».

Рассказ И. С. Шмелева «Трапезондский коньяк» (1938) был написан вскоре после того, как общественность отметила столетнюю годовщину со дня гибели А. С. Пушкина. Писатель откликнулся на это событие рядом статей с программными заголовками: «Верный идеал» (1936), «Заветная встреча» (1937). В письмах автора «Лета Господня» имя Пушкина одно из самых частотных. В одном из них от 20 мая 1937 года он рассказывает И. А. Ильину о том, как встречала его «Слово о Пушкине» многочисленная аудитория: «900 человек приняли меня в ... громы рукоплесканий» [5, с. 194]. Как верно отметила Л. И. Ерёменко, в рассказе «Трапезондский коньяк» заметна аллюзия на пушкинскую «Метель» [3, с. 334].

Основу сюжетов повести и рассказа составляет необычная история заключения брачных союзов. В «Метели» ее развитие происходит на фоне масштабных исторических событий – войны России с Наполеоном и победы над ним в 1812 году. У Шмелева герой обретает счастье после удач на Кавказском фронте, самом успешном в Первой мировой войне. Героями обоих произведений являются активные участники военных кампаний, офицеры Бурмин и Грач. Оба награждены почетным Георгиевским крестом. Поступки пушкинского Бурмина обнаруживали в нем «смелость и пылкость характера», в то же время он был «нрава тихого и скромного». Герой рассказа И. С. Шмелева, штабс-капитан Сергей Грач, «был в отца, го-

рячка», «отменно скромный, стыдливее даже».

Бурмин, расплачиваясь за свою «шалость» в ранней молодости, готов отказаться от счастья, но не нарушить слова, данного пред алтарем. «Твердость и прямота» свойственны и русскому офицеру начала XX века. Его верность церковным Таинствам – залог счастья, как и у героев в повести «Метель». Чувства Марьи Гавриловны и Бурмина скрепляет общее понимание долга. Героиня так же, как и Бурмин, не может переступить через обещание, данное в церкви. И у героев И. С. Шмелева путь к счастью лежит через обретение духовной общности.

В повести Пушкина планы героев нарушает не только природная стихия. Примеряя на себе модель поведения героев европейской романтической литературы, участники «заговора» реализуют идею «свободного выбора», чтобы, как указывает О. Поволоцкая, «ощутить себя самозначимой человеческой величиной. <...> Поверхностное, подражательное усвоение уроков европейской культуры образует хаос в русской действительности, или, иначе говоря «метель» [10, с. 192]. Мотив метели в повести Пушкина имеет несколько семантических слоев, символизируя разгул темных сил, игрушкой которых становятся Марья Гавриловна, Владимир, Бурмин. Спасают героев духовный стержень, внутренняя крепость. «Оказавшись в сложной, исключительной ситуации, – отмечает Н. Н. Петрунина, – герой «Повестей Белкина» должен совершить выбор, служащий показателем его нравственных возможностей» [9, с. 161].

У Шмелева едва намеченный мотив метели соединяется в контексте рассказа с непредсказуемостью жизни и с «дурманцем», в который погружается Сергей Грач после того, как его несостоявшаяся невеста в поисках «неправдоподобного» уезжает из Тифлиса с питерским «поэтиком». Друг Грача сравнивает ее с Анной Карениной, но разрушительную страсть героини Толстого оправдывает то, что это чувство настоящее. Возлюбленная героя «Трапезондского коньяка» противопоставлена «девственным людям» как «самая современная», «с истерической истомой». Соединение в одной характеристике противоположных свойств (томления и нервного, импульсивного действия), утрата цельности выдает в ее поведении и чувствах искусственность, игру.

В соблазнителе «с поэтическим магнитом» можно увидеть намек

на Д. Мережковского, а в возлюбленной, «стишками балующейся», – на З. Гиппиус. Ее знаменитые строчки: «Мне нужно то, чего нет на свете». («Песня», 1889) и «...хочу неправдоподобного!» шмелевской героини семантически сближены. В Тифлисе З. Гиппиус жила с 1885 по начало 1889 года. В 1888 году в Боржоми состоялось ее знакомство с будущим мужем Д. Мережковским, который оказал содействие первым публикациям ее стихов в журнале «Северный вестник» (1888). Стихотворение З. Гиппиус «К пруду» было напечатано в 1897 году в тифлисской газете «Кавказ». В рассказе упоминается газета «Приазовский край», в которой «девица», по словам рассказчика, «даже раз напечаталась». Таким образом, один из реминисцентных слоев рассказа актуализирует полемику писателя с модернистской культурой, пересмотревшей всю систему духовных ценностей.

Детали рассказа концентрируют в себе множество смысловых планов. Событийное время рассказа охватывает меньше года: с октября 1916 по июль 1917. В первой части рассказа, когда участник победоносных сражений командир Грач переживает личную драму, он и его сослуживцы как будто всеми забыты – в горах, в изоляции от людей, без какой-либо деятельности. В описании пребывания военных в горах Турции актуализируется библейско-православный контекст. Военные сравниваются с «анахоретами афонскими», так как находятся здесь не в качестве невольников, а исполняют долг перед царем, отечеством и верой.

Констатация времени года – осень – дается с метафорическим определением «глухая». Эмоциональное усиление эпитета происходит за счет упоминаний «темени», глубокой ночи, гремящих потоков, «глуши замогильной», грязи. Выход к свету показан и через библейский образно-символический ряд, и сказочно-фольклорный. «Сказочное» счастье герои обретают потому, что оказались верны религиозно-нравственным идеалам.

Освобождение персонажей от «дурманца», тоски происходит солнечным утром. Финальный эпизод сказочной истории разворачивается в июле в городском саду. Происходит духовное воскрешение не только Сергея Грача, но и рассказчика. Он чувствует себя влюбленным и обновленным, «чуть оглушенным сказкой». В мотиве воскрешения совместились фольклорные и религиозные тради-



ции. Вариативность мотивов вина и любви осветила разные смысловые планы рассказа. Вино и любовь оглушают, как мертвая вода в сказке, но они же и пробуждают, освещенные Христовой верой.

Красавица персиянка Дзюльма одновременно с крещением принимает новое имя Ольга. Рождение новой христианки происходит не как формальная дань обряду, а как осознанный поступок, о чем рассказчику Грач сообщает в письме. Символично, что подготовка к знаменательному акту происходит в дни Великого поста. Офицер пишет об этом бывшему сослуживцу в феврале, а в апреле, т. е. в пасхальные дни, сообщает, что ее окрестили (Пасха в 1917 году пришлась на 2 апреля по старому стилю).

Действие рассказа происходит на территории существовавшей с XIII до середины XV в. Трапезундской империи – древней православной земле, чья культура была тесно связана с Византией. Как в самом Трапезунде, так и в других городах имелось более сотни церквей [8, с. 87]. Культура древнейшего города Причерноморья в свое время интересовала А. С. Грибоедова, он упоминает Трапезунд в «Путевых записках» 1827 года [1, с. 171]. Впоследствии этот район был завоеван турками и подвергнут исламизации, однако какая-то часть населения сохранила прежнюю веру.

Полиэтничность сравнительно небольшого по объему произведения (коньяк продает грек Аристопулос, рассказчик передает речь местных жителей-анатолийцев, персов, «батумского хохла» Канальчука), множество языков, на которых говорят участники событий, отражает способность русского человека мирно сосуществовать с носителями различных культур. В общении с местным мусульманским населением офицеры и солдаты демонстрируют уважение к обычаям народов Востока. Вместе с тем сохранение своей веры для героев И. С. Шмелева – это сохранение себя как личностей. Для писателя вслед за А. С. Пушкиным стержневой является мысль о необходимости верного выбора, сохранения нравственных ориентиров личности, невзирая на «метели» и «бури».

Осмысление И. С. Шмелёвым действительности в контексте устойчивых в национальной культуре православных координат явилось организующим началом художественного мышления и поэтики рассказов 1925 – 1940-х годов.

## Литература

1. Грибоедов, А. С. Соч.: в 2 т. – Т. 2 / А. С. Грибоедов. – М.: Правда, 1971.
2. Давыденков, Олег, иерей. Катехизис. Введение в догматическое богословие / О. Давыденков. – М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2000.
3. Ерёмченко, Л. И. Исторический и литературный контекст рассказа И. С. Шмелёва «Трапезондский коньяк» / Л. И. Ерёмченко // Наследие И. С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. – М.: Наука, 2007. – С. 330–337.
4. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927 – 1934) / И. А. Ильин, И. С. Шмелёв. – М.: Русская книга, 2000.
5. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935 – 1946) / И. А. Ильин, И. С. Шмелёв. – М.: Русская книга, 2000.
6. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1947 – 1950) / И. А. Ильин, И. С. Шмелёв. – М.: Русская книга, 2000.
7. Иеромонах Серафим (Роуз). Православный взгляд на эволюцию / Иеромонах Серафим (Роуз). – СПб., 1997.
8. Культура Византии: 13-первая половина 15 в. – М.: Наука, 1991.
9. Петрунина, Н. Н. Проза Пушкина (пути эволюции) / Н. Н. Петрунина. – Л.: Наука, 1987.
10. Поволоцкая, О. «Метель». Коллизия и смысл / О. Поволоцкая // Москва. – 1989. – № 6 .
11. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Дух, душа и тело / В. Ф. Войно-Ясенецкий. – Ростов-на-Дону, 2001.
12. Сорокина, О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва / О. Н. Сорокина. – М.: Московский рабочий, 2000.
13. Худошин, А. Эволюционизм против Творца / А. Худошин. – М.: Оранта, 2005.
14. Шмелёв, И. С. Смешное дело. Рассказ встречного человека / И. С. Шмелёв // Шмелёв И. С. Собрание сочинений: в 5 т. – Т. 3. Рождество в Москве: Роман, рассказы. – М.: Русская книга, 2001. – С. 192 – 200.

## Заключение

Жанру рассказа И. С. Шмелёв отдал более пятидесяти лет. Только до эмиграции И. С. Шмелев, начиная с 1908 по 1917 год, выпустил семь томов под общим заглавием «Рассказы». Кроме того, из-под пера мастера за этот период вышли две книги рассказов, изданных для детей. Ю. А. Кутырина упоминает о том, что в издательстве Д. И. Тихомирова в это же время отдельными изданиями рассказы и повести для юношества выходили 18 раз.

В системе мотивов в рассказах писателя доминирующими оказываются мотив памяти, дороги, «заветной» встречи, мотив «родного», мотив, по словам писателя, – «возвращения блудных сыновей в отчий дом» [1, с. 617]. Сквозные мотивы рассказов стали ведущими и в крупных эпических формах.

Современные читатели И. С. Шмелёва, студенты 4 курса факультета филологии и журналистики Кемеровского государственного университета, высказали собственные интересные оценочные суждения о рассказах православного писателя после сдачи зачёта по спецкурсу «Поэтика рассказов И. С. Шмелёва» в декабре 2010 года. Ниже приведем отрывки из некоторых их суждений:

«Почему-то Шмелёва в большинстве школ не проходят или проходят, но разбирают поверхностно. Это мне непонятно, тем более что в казалось бы простых рассказах заложен глубокий и трогательный смысл. Понравился «Весенний плеск» ... наверное, он всем понравился»;

«Наиболее интересными мне показались рассказы «Свет разума» и «Христова всенощная». Шмелёв, используя бытовые сюжеты, близкие всем, отражает бытийное начало. Истинное понимание христианства он пытается передать в незамысловатых формах, тем самым доказывая, что вера не что-то отдалённое от человека, не удел избранных, она едина для всех, она единственная жизненная истина, живущая с народом и помогающая ему. Интересен рассказ «У плакучих берёз»: мотив памяти и смерти, положенные в основу рассказа, делают сюжет очень трогательным. Шмелёв пишет о жизни, не идеализируя её, а отражая реальные радости и горести человека. И мотив памяти (воспоминания) пронизывает всё творчество Шмелёва»;

«Шмелёв – мастер русского языка, русского слова. В рассказах он гармонично сплетает все типы речи, приближаясь тем самым к читателю. Его рассказы понятны и на первый взгляд просты, но за каждым словом скрывается глубокий смысл. Особое внимание обращает на себя тематика его рассказов, которая весьма разнообразна. Очень многие рассказы (посвященные темам войны, православия, дружбы) актуальны и в наше время. Рассказы Шмелёва доступны для читателей всех возрастов. Они во многом поучительны (призывают к дружбе, соглашению). Его рассказы так же воспитывают эстетическое чувство в человеке, читателе»;

«Рассказы Шмелёва невелики по объёму, но очень содержательны: в них и поучение, и философское размышление, и описание исторических событий. В автобиографических рассказах раскрываются целые галереи образов: детей и взрослых, богатых и бедных, умных и «недалёких». И в окружении этих образов описывается и раскрывается его – авторская – личность. Поэтапно, в ходе событий его жизни, порой ярких и насыщенных, порой поучительных»;

«Мне рассказы Шмелёва понравились своей образностью. Важно также и то, что на рассказах И.С. Шмелева можно учиться. Из них можно почерпнуть много важного»;

«Лирический фон многих текстов создаёт ощущение «теплоты» при восприятии рассказов. Шмелёвские тексты посвящены изображению русского, подлинно народного, православного начала. И. С. Шмелёв – лирик прозы»;

«Рассказы И. С. Шмелева поражают глубиной и чистотой. Каждый рассказ – некое сообщение, которое оставляет в каждом читателе своё зёрнышко очищения, лета. Очень радостно знать, что за верхним приятным слоем рассказа кроется светлый родничок истины, мудрого знания. Наследие Шмелёва очень ценно для литературы и культуры в целом. В его произведениях сочетается реализм и тенденции начала XX века. Однако символы, которые работают определённым образом в произведениях символистов, акмеистов..., в рассказах Шмелёва несут в себе смысл спасения Души, а не отрицание Бога и тех устоев, которые разрушаются в XX веке. Спасение придёт через веру. Литература Шмелёва – литература созидания и чистого, светлого возрождения».

С течением времени и обретением писательского опыта услож-

нялась сюжетно-композиционная структура рассказов И. С. Шмелева. В прозе 1930 – 1940-х годов усилилась тенденция к использованию вставных жанров, реминисценций, цитат, в целом возросла роль литературного и культурно-исторического контекста. Воцерковление И. С. Шмелёва отозвалось усиленным вниманием православного писателя к художественному изображению духовной реальности. В малой художественной форме И. С. Шмелев показал путь православного человека от «быта к бытию» [2, с. 194].

### Литература

1. Ильин, И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935 – 1946) / И. А. Ильин, И. С. Шмелёв. – М.: Русская книга, 2000. – 576 с.
2. Шмелев, И. С. Роман в письмах: в 2 т. – Т. 2 / И. С. Шмелёв, О. А. Бредиус-Субботина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – 856 с.

## Приложение

### Комплекс тем и вопросов для самостоятельной работы по изучению рассказов И. С. Шмелева

#### Паломническая литература XX века:

**«Валаам» Б. К. Зайцева, «Старый Валаам» И. С. Шмелёва**

Образы монахов и паломников в книге Б. К. Зайцева «Валаам».

Образ святости в книге И. С. Шмелева «Старый Валаам».

Традиции паломнической литературы в путевых очерках В. Н. Крупина «Слава Богу за всё».

#### Литература

1. Зайцев, Б. К. Собрание сочинений: в 5 т. – Т. 7 (доп.): Святая Русь / Б. К. Зайцев. – М., 2000.

2. Крупин, В. Н. Слава Богу за всё. Путевые очерки / В. Н. Крупин // Роман-газета. – М., 1995. – № 1.

3. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв / А. М. Любомудров. – СПб., 2003.

4. Шмелёв, И. С. Собрание сочинений: в 5 т. – Т. 2: Въезд в Париж / И. С. Шмелёв. – М., 2001.

#### **Образ Преподобного Сергия Радонежского в литературе XX века: «Богомолье» И. С. Шмелёва, «Преподобный Сергий Радонежский» Б. К. Зайцева**

Рассказчики Жития преподобного Сергия в книге «Богомолье» И. С. Шмелёва. Воспитательное значение Жития. Житийные эпизоды в структуре паломнического сюжета.

Житие и житийная повесть: сходства и различия. Житие Епифания Премудрого и «Преподобный Сергий Радонежский» Б. К. Зайцева.

Значение Преподобного Сергия Радонежского для личного становления и исторической судьбы России в понимании И. С. Шмелева и Б. К. Зайцева.

## Литература

1. Дудина, Л. Н. Образ красоты в повести И. С. Шмелёва «Богомолье» / Л. Н. Дудина // Русская речь. – М., 1991. – № 4. – С. 20 – 25.
2. Ерёменко, Л. И., Карпова, Г. И. Поэтика рассказов И. С. Шмелёва / Л. И. Ерёменко, Г. И. Карпова. – Кемерово, 2006. Гл. 3.
3. Карпов, И. П. Жажда праведности. И. С. Шмелев. «Богомолье» / И. П. Карпов // Литература в школе. – М., 2003. – № 3. – С. 34 – 35.
4. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв / А. М. Любомудров. – СПб., 2003.
5. Наследие И. С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. – М.: ИМЛИ РАН, 2007.
6. Руднева, Е. Г. Цветовая гамма в повести И. С. Шмелёва «Богомолье» (к 50-летию со дня смерти писателя) / Е. Г. Руднева // Вестник Московского университета. – Сер. 9: Филология. – М., 2000. – № 5. – С. 59 – 66.

### **Проблема Слова и назначение писателя в понимании И. С. Шмелёва**

Концепция Слова и понимание учительной миссии писателя в публицистических и литературно-критических статьях И. С. Шмелева 1020 – 1930-х годов. Творчество А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова в оценках православного писателя. Проблема Слова в эпистолярном наследии писателя: переписка с И. А. Ильиным и О. А. Бредиус-Субботиной.

## Литература

1. Ерёменко, Л. И. Поэтика рассказов И. С. Шмелёва / Л. И. Ерёменко, Г. И. Карпова. – Кемерово, 2006. – Гл. 1.

### **Мифопоэтика в рассказе И. С. Шмелева «Весенний плеск»**

Поэтика заглавия. Система персонажей, архетипические образы. Система бинарных оппозиций в рассказе. Образы лужи и реки как символические образы родного и чужого мира. Осмысление русского национального характера в рассказе. Поэтика цвета.

## Литература

1. Ерёменко, Л. И. Поэтика рассказов И. С. Шмелёва / Л. И. Ерёменко, Г. И. Карпова. – Кемерово, 2006. – Гл. 2, Приложение (Материалы к истории создания и анализу отдельных рассказов в эпистолярном наследии И. С. Шмелёва).

2. Ерёменко, Л. И. Родной мир в рассказе И. С. Шмелева «Весенний плеск» / Л. И. Ерёменко, Г. И. Карпова // Уроки литературы (Приложение к журналу «Литература в школе»). – М., 2003. – № 8. – С. 7 – 8.

### **Особенности сказового повествования в рассказах И. С. Шмелёва. Рассказ «Наполеон»**

Мотив «заветной встречи» в рассказе. Мир детей и мир взрослых. Эстетика народной драмы и её восприятие зрителями балаганного спектакля. Поэтика текста в тексте. Образ повествователя. Речевые портреты в рассказе. Слово героя и слово повествователя.

## Литература

1. Ерёменко, Л. И. Поэтика рассказов И. С. Шмелёва / Л. И. Ерёменко, Г. И. Карпова. – Кемерово, 2006. – Гл. 2.

2. Ерёменко, Л. И. Народный праздник и мир детства в рассказе И. С. Шмелёва «Наполеон» / Л. И. Ерёменко, Г. И. Карпова // Литература в школе. – М., 2011. – № 4. – С. 20 – 23.

### **Поэтика литературного диалога в рассказах «Как я покорил немца», «Трапезондский коньяк»**

Осмысление проблемы литературного диалога в трудах А. А. Потебни, М. М. Бахтина, А. К. Жолковского, Ю. Кристевой. Полемический и неполемический диалог в рассказах И. С. Шмелёва. Поэтика интертекста в рассказе «Гунны»: диалог с русской классической (А. Пушкин, Н. Гоголь) и современной (В. Брюсов, А. Блок) литературой. Поэтика интертекста в рассказе «Трапезондский коньяк», литературные аллюзии на произведения Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, древнеперсидских поэтов. Поэтика «текст в тексте» в рассказе «Как я покорил немца». Мотив прозрения в рассказе.



## Литература

1. Ерёменко, Л. И. Поэтика рассказов И. С. Шмелёва / Л. И. Ерёменко, Г. И. Карпова. – Кемерово, 2006. – Гл. 3, Приложение (Материалы к истории создания и анализу отдельных рассказов в эпистолярном наследии И. С. Шмелёва).

2. Наследие И. С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – С. 330–338.

### **Функции сказа: «Про одну старуху», «Свечка (Рассказ управляющего)»**

Трагедия послереволюционной России в рассказах 1920-х годов. Неистребимость духовной культуры в народе, которая даёт ему силы для сопротивления злу. Мастерство сказовой стилизации и способы проявлений авторской точки зрения в художественном мире рассказа.

## Литература

1. Ильин, И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелёв / И. А. Ильин // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6. – Кн. 1. – М., 1996.

2. Сорокина, О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва / О. Н. Сорокина. – 2-е изд. – М., 2000.

3. Ерёменко, Л. И. Поэтика рассказов И. С. Шмелёва / Л. И. Ерёменко, Г. И. Карпова. – Кемерово, 2006.

4. Черников, А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека / А. П. Черников. – Калуга, 1995.

### **Слово повествователя и слово героя в рассказах «Блаженные», «Крест», «Свет разума»**

Трагедия послереволюционной России в рассказах. Неистребимость духовной культуры в народе. Евангельские мотивы в рассказах.

## Литература

1. Сорокина, О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва /

О. Н. Сорокина. – 2-е изд. – М., 2000.

2. Черников, А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека / А. П. Черников. – Калуга, 1995.

3. Ерёменко, Л. И. Поэтика рассказов И. С. Шмелёва / Л. И. Ерёменко, Г. И. Карпова. – Кемерово, 2006.

### **Система оппозиций и их роль в развитии сюжета в рассказе «Родное»**

Значимость библейских сюжетов в художественном мире рассказа. Система оппозиций в рассказе. Поэтика заглавия.

#### Литература

1. Сорокина, О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва / О. Н. Сорокина. – 2-е изд. – М., 2000.

2. Черников, А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека / А. П. Черников. – Калуга, 1995.

### **Соотношение сюжетных и фабульных мотивов во временной организации рассказа: «Глас в ночи (Рассказ помещика)», «Христова всеобщая»**

Мотив Божьего промысла в рассказах. Пути обретения веры неверующим интеллигентом в рассказе «Глас в ночи». Значимость мотива дороги.

#### Литература

1. Сорокина, О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва / О. Н. Сорокина. – 2-е изд. – М., 2000.

2. Черников, А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека / А. П. Черников. – Калуга, 1995.

3. Карпова Г. И. Настоящее время христианского богослужения в рассказах И. С. Шмелёва 1920 – 1930-х годов / Г. И. Карпова // V Пасхальные чтения: Гуманитарные науки и православная культура. – М., 2007. – С. 45 – 48.

4. Карпова, Г. И. Спецкурс по истории русской литературы XX века

в рамках специализации «Основы теологии» на филологическом факультете / Г. И. Карпова // IV Пасхальные чтения: Гуманитарные науки и православная культура. – М., 2007. – С. 48 – 54.

### **История и современность в рассказах «Наполеон (Рассказ моего друга)», «Куликово поле (Рассказ следователя)»**

Социально-историческое и вечное время в рассказах. Пути их сопряжения. Мотив чуда в рассказах «Наполеон» и «Куликово поле».

#### Литература

1. Ерёменко, Л. И. Поэтика рассказов И. С. Шмелёва / Л. И. Ерёменко, Г. И. Карпова. – Кемерово, 2006. – Гл. 3.
2. Наследие, И. С. Шмелёва: проблемы изучения и издания. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – С. 288–293.
3. Сорокина, О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелёва / О. Н. Сорокина. – 2-е изд. – М., 2000.
4. Черников, А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека / А. П. Черников. – Калуга, 1995.

### **Своеобразие конфликта в рассказе «Смешное дело»**

Смысл заглавия и подзаголовка. Обратит внимание на заключительные слова героя-рассказчика. Социально-исторический уровень организации конфликта в рассказе. Конфликт интеллигенции и народа. Революция как испытание героев на человечность. Нравственный конфликт в рассказе. Рассмотреть отношение героев друг к другу и обезьянке. Тема предательства, нравственной стойкости.

Мировоззренческий конфликт в рассказе. Спор о происхождении человека и его разрешение в художественном мире рассказа. Процесс превращения человека в зверя и «очеловечивание» Марточки. «Двуногие скоты» в рассказе. Зооморфный портрет Панфилки. Поэтика имён героев рассказа. Интертекст рассказа «Смешное дело». Сопоставьте самого конфликтного героя рассказа Панфилку с Полиграфом Полиграфовичем Шариковым из повести М. А. Булгакова «Собачье сердце».

## Литература

1. Карпова, Г. И. Спор о происхождении человека в рассказе И. С. Шмелёва «Смешное дело» / Г. И. Карпова // Православная церковь и современное российское общество: опыт и перспективы взаимодействия. – Кемерово, 2009. – С. 237–242.
2. Менглинова, Л. Б. Конфликт в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» / Л. Б. Менглинова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 43–54.
3. Шмелёв, И. С. Смешное дело. Рассказ встречного человека / И. С. Шмелёв // Шмелёв И. С. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 3: Рождество в Москве: Роман, рассказы. – М.: Русская книга, 2001. – С. 192–200.
4. Ветхий завет. Первая книга Моисеева. Бытие. – Гл. 1.
5. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Дух, душа и тело / В. Ф. Войно-Ясенецкий. – Ростов-на-Дону, 2001.
6. Черников, А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека / А. П. Черников. – Калуга, 1995.
7. Сорокина, О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева / О. Н. Сорокина. – М., 2000.

## Литература для самостоятельной работы

### Основная литература:

1. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918 – 1940. Периодика и литературные центры. – М.: РОССПЭН, 2000.
2. Русские писатели 1800 – 1917. Биографический словарь: в 5 т. – Т. 1 – 4 / Гл. ред. П. А. Николаев. – М., 1989 – 1999.
3. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918 – 1940): в 4 т. / гл. ред. А. Н. Николюкин. – М., 1997 – 2005.
4. Струве, Г. П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы / Г. П. Струве. – 3-е изд. – Париж, М., 1996.
5. Агеносов, В. В. Литература русского зарубежья / В. В. Агеносов. – М., 1998.
6. Михайлов, О. Литература русского зарубежья / О. Н. Михайлов. – М., 1995.
7. Соколов, А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов / А. Г. Соколов. – МГУ, 1991.
8. Барковская, Н. В. Литература русского зарубежья (Первая волна) / Н. В. Барковская. – Екатеринбург, 2001.
9. Ильин, И. А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелёв / И. А. Ильин. – М., 1991.
10. Адамович, Г. В. Одиночество и свобода / Г. В. Адамович. – СПб., 1995.
11. Литература русского зарубежья: 1920 – 1940. – М., 1993.
12. Дунаев, М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII – XX вв. / М. М. Дунаев – М., 2002.
13. Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературы / И. А. Есаулов. – Петрозаводск, 1995.
14. Есаулов, И. А. Пасхальность русской литературы / И. А. Есаулов. – М., 2004.
15. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев / А. М. Любомудров. – СПб., 2003.
16. Черников, А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека / А. П. Черников. – Калуга, 1995.
17. Сорокина, О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева / О. Н. Сорокина. – М., 2000.
18. Ерёмченко, Л. И. Поэтика рассказов И. С. Шмелёва / Л. И. Ерёмченко, Г. И. Карпова. – Кемерово, 2006.
20. Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики). – Екатеринбург, 2007.
21. Солнцева, Н. М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество. Жизнеописание

/ Н. М. Солнцева. – М.: Эллис Лак, 2007.

22. Духовный путь Ивана Шмелёва: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская благовонница, 2009.

Дополнительная литература:

23. Христианство и новая русская литература XVIII – XX веков: Библиографический указатель. 1800 – 2000. – СПб., 2002.

24. Христианство и русская литература. Сб. 2. – СПб., 1996.

25. Христианство и русская литература. Сб. 3. – СПб., 1999.

26. Христианство и русская литература. Сб. 4. – СПб., 2002.

27. Проблемы исторической поэтики. – Вып. 3. Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX вв. – Петрозаводск, 1994.

28. Проблемы исторической поэтики. – Вып. 5. Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX в. – Петрозаводск, 1998.

29. III – V Пасхальные чтения: Гуманитарные науки и православная культура. – М., 2005– 2007.

Программное обеспечение и Интернет-ресурсы:

30. Русский филологический портал: [www.philology.ru](http://www.philology.ru).

31. Портал периодических изданий: [www.magazine.ru](http://www.magazine.ru).

32. Российские электронные библиотеки: Информационно-интерактивный портал: [www.elbib.ru](http://www.elbib.ru).

33. Словарь литературоведческих терминов: [www.gramma.ru](http://www.gramma.ru).

34. Шмелёв И.С. <http://shmelev.lit-info.ru>.

35. Шмелёв И.С. [www.klassika.ru](http://www.klassika.ru).

## Оглавление

Введение .....	3
Глава 1. Православное воспитание в рассказах И. С. Шмелева	8
Глава 2. Мотив Промысла Божия в рассказах И. С. Шмелева ...	19
Глава 3. Отстаивание православной веры в рассказах И. С. Шмелёва .....	25
Заключение .....	35
Приложение .....	38

Карпова Галина Ивановна

Мир Православия  
в рассказах И. С. Шмелёва

Учебное пособие

Издание осуществлено на средства  
Гранта VII-42-161 из фонда  
Святого Преподобного Серафима Саровского  
«Православная инициатива»

Редактор Л. М. Борискина

Подписано в печать 26.01.2012 г. Формат 60x84 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Уч. изд. л. 3.  
Тираж 50 экз. Заказ № 10.

---

Кемеровский государственный университет.  
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

---

Отпечатано в типографии ООО ПК «Офсет», 650001, г. Кемерово,  
ул. 40 лет Октября 1б, тел. 8(384-2)34-96-41.